

Павел Виноградов

***СХВАТКИ В
ТУПИКАХ***

Павел Виноградов

Схватки в тупиках (сборник)

«Автор»

2014

Виноградов П. В.

Схватки в тупиках (сборник) / П. В. Виноградов — «Автор», 2014

Петербургский писатель и журналист Павел Виноградов – типичный «многостаночник» в литературе. Триллер, антиутопия, альтернативная история, «крутой» детектив, неонуар, даже мелодрама легко поддаётся его живому перу. В книге собраны рассказы, написанные в этих жанрах. Объединяет их не только лихой сюжет: «В стремительном темпе – аллюр три креста! – смешивается всё и летит», – как отозвался об одном из его рассказов известный писатель детективов Сергей Литвинов, но и интересные, многомерные, сложные по характеру герои, и чёткая авторская мировоззренческая позиция. Рассказы «Крыса», «Схема доктора Но», «Кондрат Оглашающий» написаны в соавторстве с Татьяной Алексеевой-Минасян. Обложка создана на основе фото Дмитрия Матвеева.

© Виноградов П. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Прыжок на орбиту	6
Беги, пацан, беги!	15
Родное сердце	23
Про цветы и котиков	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Павел Виноградов

Схватки в тупиках (сборник)

Прыжок на орбиту

То ли туман, то ли дождь – не различить в темени, окутавшей мартовским вечером Лондон. Лишь ощущение сырости, проникшей, казалось, до самых костей, ледяной слякоти, окутавшей внутри тела сердце, печень, лёгкие... Вязкая мокреть одежды. Слякоть под подошвами дорожных, но безнадежно заляпанных туфель.

Ян не обращал на всё это внимания. Он шёл по кривым улочкам старого района столицы без определённой цели. Не сидеть же в номере отеля, нажираясь семилетним Хеннесси – лучше у них всё равно нет, а Ян предпочитал тридцатилетний. А собственной недвижимости в Лондоне у него не осталось – вся описана за долги.

Пару дней назад Ян сказал случайно встреченному в кафе знакомому журналисту, что больше не видит смысла в жизни. Сказал просто так, не для интервью, хотя прекрасно понимал, что завтра же эти его слова будут опубликованы. Да и плевать!

Он поднял воротник пиджака, плотнее закутался в любимый старенький шарф, но промозглый, гнилой дух Лондона доставал его и под пиджаком, и под шарфом, и под несвежей водолазкой.

Из-за угла материализовались две тени, за ними неясно маячила третья. Даже в мутной тьме Ян различил их сверкающие глаза под чёрными балаклавами. У первого в руке что-то блеснуло. Известно, что: «Аллах над нами, ножи в кармане – вперёд, мусульмане!»

– Дэнги давай, зарэжу, – гортанно сказал главарь. Хоть английский знает. Двое других молчали – видимо, не знали.

Нисколько не испугавшийся Ян внутренне усмехнулся, вспомнив, как такие же, в балаклавах – и чёрных, и цветных, и вообще без балаклав, с бородами и автоматами, и «балшыми кинжалами» в своё время скакали перед ним на задних лапках, выпрашивая кто тыщёнку-другую, а кто миллиончика три гринов.

– Хорош маски-шоу устраивать, не Москва, – презрительно бросил он по-русски. Голос чуть похрипывал – простыл, надо думать. Не мудрено...

Джигиты сначала замерли, потом первый почиркал лезвием в воздухе и не очень уверенно сообщил по-русски:

– Я твою маму...

Надо же, родственничек... Ян подумал, что лет десять назад джигиты покруче этого, неведомыми путями пробравшегося в Англию, с радостью готовы были предоставить ему, Яну Осинину, для сексуальных утех и своих мам, и дочерей, и жён, да и самих себя. Впрочем, вспоминать нет смысла... Он спустил с подбородка шарф и поглядел на парней тяжёлым взглядом.

– Даёйль шакалш¹, – спокойно сказал он за пределами оскорбительную для чеченца фразу.

Аллах ведаёт, что они увидели в его глазах – огонь, взрывы, трупы, огромные деньги, нефть, замешанную на крови, и просто кровь, очень много крови. Или просто узнали. Но главарь сдавленно крикнул:

– Шайтан!

Троица поспешно растворилась в тумане. Ян натянул шарф, поглубже погрузил руки в карманы потёртого пиджака и вновь побрёл по столице бывшей владычицы морей. На губах его змеилась горькая усмешка. «Шайтан...» Почему бы и нет...

«Всё, – решил он, – хватит месить грязь душой и ногами. Надо встряхнуться».

Он махнул выползшему из тумана чёрному, похожему на катафалк, такси.

– Аскот, – небрежно бросил шофёру.

---

¹ Пошли вон, шакалы! (чеч.)

Тот недоверчиво осмотрел непритязательную одежду клиента. Ян глянул в глаза и ему. Водитель ни слова не произнёс все сорок километров пути.

В Аскоте – фешенебельном пригороде столицы – стоял бывший дом Яна. Сейчас он принадлежал бывшей же его жене Анне. Второй жене, отсудившей у него по разводу несусветную сумму в 220 миллионов фунтов. Ну, и этот дом и ещё кое-какую недвижимость. Но электронный ключ от дома он всегда носил с собой – на всякий случай. Он знал, что сейчас дом пуст – Анна с дочерью где-то путешествовала, а слуги были уволены. Вполне приличный ночлег для бесприютного бывшего олигарха.

Такси остановилось, проехав длинную тенистую аллею у ворот, за которыми обильно ветвились уже покрывшиеся набухшими почками деревья. Ян небрежно сунул водителю то ли четыре, то ли пять пятидесятифунтовых банкнот – российская привычка расплачиваться наличными, от которой он никак не мог отвязаться. Это минимум раза в два превышало стоимость поездки, и, схватив деньги и высадив пассажира, водитель поспешно уехал, мелькнув задними огнями. В аллее вновь воцарилась тьма. Ян терпеливо ждал, пока от нажатия кнопки плавно откроются ворота.

Сад был сильно запущен, а коттедж производил впечатление дешёвого аттракциона с «привидениями»: мутные окна, кое-где валялась осыпавшаяся с крыши черепица, поскрипывала не запертая дверь. Впрочем, за ней была вторая, вполне прочная и оборудованная тревожной сигнализацией, которую Ян сразу отключил.

Осинин не спеша поднялся на второй этаж, где некогда была их супружеская комната. Здесь было довольно прохладно, но имелся камин и всё, что нужно, чтобы разжечь его. Что Ян и сделал. Огромная круглая кровать под зеркалом на потолке была в чехле, как и вся мебель. Ян нетерпеливо сорвал его, сбросил на пол и, как был – в грязных ботинках и мокром пиджаке – бросился на давно не принимавшие человеческих тел простыни и подушки.

Некоторое время лежал без движения. В голове навязчиво крутилось слово, брошенное убежавшим ноchem: «Шайтан!» Плохо. Надо подлечиться.

Рывком спрыгнув с кровати, он подошёл к скрытой в дубовых панелях стены дверце бара и с удовольствием обнаружил, что без него им почти не пользовались.

Так, тридцатилетний Хэннеси – то, что надо. Он открутил крышечку и сделал хороший глоток, поискал бокал для коньяка, но нашёл лишь стакан, щедро плеснул туда и перенёс всё добро на туалетный столик у кровати. Вытащил телефон, номер которого мало кто знал, и нажал на автоматический вызов. На него ответили, но молчали.

– Я бы хотел на ужин рыбы, – он мог сказать, что угодно – на том конце трубки реагировали на его номер и голос.

– Секунду, – ответили ему и отключились. Впрочем, телефон сразу же зазвонил и бесцветный голос спросил:

– Какой именно рыбы желаете?

– Свежей, – ответил Ян и отключился. Там знали, по какому адресу везти заказ.

«Свежей», значит до от 11 до 13 лет. 14–15 он назвал бы «анчоусом». Меньше 11 – «мальком». Но до таких он никогда не опускался. Пока. Оптимальна была лолиточка лет на 12 – эти заводили его сразу.

Он опять откинулся на кровати. Слово продолжало вертеться в голове. «Как пропеллер вертолёт», – словно бы кто-то глумливый шепнул ему это в ухо. Совсем плохо. Нельзя так раскисать. Прошлое надо оставить там, где оно есть – в пустоте, откуда никто не возвращается. Но ужас был в том, что иногда ОНИ возвращались.

Как тот молоденький солдатик, искажённое страхом лицо которого на миг возникло перед ним, когда он увидел нож в руке чеченца. Лицо первого собственноручно убитого им человека – после многих, убитых по его приказу. Дело было в каком-то горном ауле, название которого он, конечно, забыл. Обычная операция по «освобождению» пленных солдат феде-

ральной армии. То есть, по доставке чеченцам положенных им от Осинина отчислений за его доли в наркотрафике и нелегальном нефтяном бизнесе. Ну и, конечно, для поднятия политического имиджа зама секретаря Совета безопасности. Ему передали пятерых испуганных рядовых-срочников, которых его охрана тут же запихала в личный вертолёт Яна и принялась стращать, чтобы не ляпнули ненужного журналюгам. На траве остался один связанный и избитый солдат – просто не поместился в небольшом вертолёте. Осинину было всё равно – что пять, что шесть, жрущие из его рук телеканалы и так прославят его до небес.

– А этого куда? – спросил рыжебородый командир боевиков. По-русски он говорил без малейшего акцента.

Осинин только махнул рукой. Он прекрасно понимал, куда сейчас отправится дрожащий пацан, глядящий на него с отрешённым отчаянием кролика, на которого навели ружьё.

Командир пожал плечами, вытащил длинный нож и вразвалочку направился к пленному. Тот принялся бешено вращать глазами и мычать – рот его был заткнут. Вдруг командир остановился и повернулся к Яну.

– Не хочешь сам узнать, как это бывает? – спросил он. В его зелёных глазах плясали блудливые бесенята. – На, отведи душу.

Он рукояткой вперёд протянул Яну нож. Тот глянул на оружие, зачем-то посмотрел вверх, на лениво раскручивающиеся лопасти пропеллера, и неожиданно сам для себя кивнул.

Почему бы и нет?

Первого человека он заказал году в 90-м – какой-то не в меру шустрый мент, который сунул нос в затеянную им тогда автомобильную афёру. Начальник охраны порекомендовал человека, тому заплатили аванс, он сделал дело, а потом исполнителя тоже убрали – так тогда было принято. А дальше... Пара директоров заводов, глава районной администрации, несколько уголовных авторитетов, популярный телеведущий, который умудрился объехать Яна на кривой кобыле, возглавив им же, Осининым, приватизированную главную телекомпанию страны и перекрыв Яну все доходы от рекламы. Телекумира застрелили в подъезде его дома, и вся Россия рыдала над ним. Рыдал на похоронах и Ян – он умел это делать, когда надо. Позже будут ещё несколько журналистов. Одну известную либеральную самочку он приказал завалить уже в эмиграции – исписалась, повторялась. Толку от неё уже было мало: чеченская тема теряла актуальность, но убийство известной оппозиционной публицистки должно было здорово ударить по ненавистному президенту, выпихнувшему Яна из страны. Другой жур – из очень известного издания – вскрывший (довольно точно, надо сказать) часть тайных дел Осинина. Этому просто необходимо было заткнуть пасть. Ну и другие... Много.

Но сам он пока никого не убил. Надо же когда-то начинать...

Ян взялся за костяную рукоятку ножа, которая устроилась в его ладони, как влитая. Прекрасный охотничий нож из дамаска. По лезвию выбиты фигуры оленей. Ян готов был поклясться, что этот клинок ни разу не вспарывал оленью грудь – не для того носил его командир отряда «Свободной Ичкерии». Своей фирменной подпрыгивающей походкой Ян подошёл к связанному мальчишке, встал перед ним на колени и сходу сильно провёл лезвием под подбородком. Кровь хлынула обильно, Ян почувствовал на лице тёплые брызги. Это возбудило его, и он с азартом стал водить ножом. Хрипы убиваемого, его конвульсии, летящие в разные стороны капли крови и кусочки плоти – всё это доставляло Яну настоящую радость. Адреналин буйствовал в крови. Осинин остановился, только когда командир схватил его за плечи.

– Хватит уже, голову почти отрезал. Молодец, не ожидал от тебя. Нож заberi. На память.

В вертолёте выкупленные солдаты и даже охрана с ужасом глядели на покрытого кровью Осинина. А тот неподвижно сидел, закрыв глаза и положив на колени нож, кровью пачкающий брюки от известного кутюрье. Вдруг он распахнул глаза, широко размахнулся и выбросил оружие в открытый проём, под которым проплывал горный лес. Потом стал неудержимо блевать. Охранники деликатно отвернулись. В районный центр его ввезли закутанного в длинный

кожаный плащ и надвинутой на глаза шляпе. В купленном им для посещений Чечни особняке он долго и яростно отмывался под душем.

После этого он всегда в подробностях интересовался, как исполнялись его заказы на людей. Когда это было возможно, приказывал снимать убийство на видео, а потом частенько пересматривал его. Одно – с особым удовольствием, оно тоже было связано с вертолётком... Недавно ему пришлось уничтожить свою коллекцию роликов из-за опасности обысков. Но тот, с вертолётком, сохранил. Он и теперь был с ним.

Чтобы завестись в ожидании заказа, он включил компьютер и вставил извлечённую из потайного кармана флэшку. Снимали в сибирских горах, где потерпел крушение вертолёт губернатора огромного края. Снимал тот же человек, который за секунду до начала съёмки нажал на пульт управления прикреплёнными к лопастям вертолётки маленькими тротильными зарядами. Весь цимес заключался в том, чтобы сделать это именно над линией ЛЭП и машина свалилась на неё. Иначе вертушка просто ухнула бы в воздушную яму, а потом полетела себе дальше. Но расчёт оказался точным – вертолёт запутался пропеллером в проводах, и, разваливаясь в воздухе, рухнул на сопку.

На видеозапись наложили звуковую дорожку из самописца, установленного в салоне вертолётки. На ней были слышны отдалённые восклицания летчиков и вопли пассажиров. «Сколько здесь? Посмотри. Ничего, хуже бывало. Нормально. Идем осторожно: ЛЭП справа». «Осторожно! Проходим рядом. Рядом. Совсем рядом. Нормально». «Трасса справа. Дорога поворачивает. Ориентир – дорога. Осторожно. Все спокойно. Нормально, идем нормально. Дальше. Дорога! Дорога – ориентир». «ЛЭП, ЛЭП, ЛЭП! Винт!» «Ниже! Ниже! Выравниваем! Держи!» «Что творится! Все!» – эти последние слова проревел своим известным всей стране басом губернатор. Через секунду тяжёлый винт раздавит его.

Ян мог смотреть и слушать это часами, представляя все подробности. Губернатор – боевой генерал, чрезвычайно популярный в народе, был его креатурой. Во всяком случае, Осинин всегда так думал. Он не сумел протолкнуть его в президенты, но в главы богатейшего края смог. Однако в последнее время «генерал-губернатор» стал оказывать неповиновение – больно ершистым был этот Селезнёв. А Ян никак не мог себе простить свою поддержку нынешнего президента, который сперва, когда деньги и связи Осинина пробивали тому путь наверх, казался таким тихим и послушным. Но, укрепившись, очень быстро стал жёстким и несговорчивым, что кончилось совсем плохо – арестом яновых капиталов, несколькими уголовными делами против него и бегством из страны. А, в конечном счёте, жалким положением, в котором пребывал ныне бывший «полудержавный властелин» России. Второго такого облома Ян допустить не мог. До президента ему уже было не добраться, и он отыгрался на Селезнёве. То, что вместе с ним погибло несколько чиновников и журналистов, Осинина совершенно не волновало.

Он всегда считал себя великим манипулятором, но почему-то постоянно выходило, что казалось бы всецело преданные и покорные люди рано или поздно пытались вырваться из-под его власти. И их приходилось убивать. Как Гию – старого-престарого друга, с которым ещё в начале 90-х они организовали кооператив по торговле всем, в чём нуждалось население, а нуждалось оно тогда во всём. Потом Гия возглавлял охрану Яна и одновременно стал генеральным его основным предприятием. Ян доверял ему полностью, а Гия знал про Яна всё. Ну, почти всё... А потом, уже в Англии, Гия стал проводить самостоятельную линию в бизнесе, и, главное, в политике, которую Ян считал своим истинным призванием. Ну как же – «делатель королей». Вернее, президентов. И не только России. А Гия решил спихнуть одного такого «сделанного» Яном президента – в родной Грузии. Ну и как-то, дружески беседуя с партнёром за «рюмкой чая», Ян незаметно кинул в напиток Гии маленькую крошку вещества, которая тут же растворилась. Гия выпил, а через пару дней у него остановилось сердце. Хорошая штука

этот ризин – надёжная и следов не оставляет. Гия был вторым человеком, которого Ян убил сам.

«Что общего между салабоном-первогодком и старым богатым грузинским евреем? – стрельнула в голове шальная мысль. – То, что оба они удостоились быть собственноручно завалены Яном Осининым».

Ян глотнул коньяка и вдруг пожалел, что в нём нет ризина. Эта испугало его. Никогда, никогда не посещали его мысли о самоубийстве! Он ведь до ужаса боялся смерти – с тех самых пор, как конкурент-уголовник в середине 90-х взорвал его машину. Киллер неправильно заложил бомбу, и вся энергия взрыва пошла на водителя, а Яну досталось только несколько царапин. Он всю жизнь будет помнить, как в оцепенении сидел рядом с окровавленным обезглавленным трупом, пока его не вытащили из пылающего «мерса». Заказавшего Яна авторитета по кличке Сильвер взорвали в машине же месяца через три, но это не избавило Яна от поселившегося в душе ужаса.

Нет, он не кончит так глупо и трусливо. Он вывернется и вновь поднимется. Ведь это он, забитый школьник, которого жестоко дразнили за низенький рост и ярко выраженную, еврейскую внешность, стал одним из самых могущественных людей в мире. Ян предпочитал отгонять мысль, что в число «самых-самых» он никогда не входил, и лишь иногда сталкивался с ними – и всегда получал приказы в виде доброжелательных советов. Он знал, что «мировое правительство» – не фантазм журналистов-конспирологов, и надеялся со временем войти в этот последний круг сильных мира сего. Он ведь и сам был сильным – до недавних пор, несмотря на то, что и им манипулировали. А кем в этом мире не манипулируют?.. Он финансировал революции и общественные движения – тоже следуя ненавязчивым советам господ с очень властным взглядом. После того, как переворот удался на Украине, он мечтал сделать то же самое в России и триумфально вернуться туда: маленький еврей с огромным могуществом. Но проклятый президент сорвал его планы. Да и сам он хорош: сделал неверный шаг, подав иск против прокремлёвского олигарха, к которому ещё недавно совсем неплохо относился («Такой же негодяй, как я в его годы», – одобрительно говаривал Ян.) А «молодой негодяй» взял, да и выиграл в английском суде дело против старого негодяя Яна. А потом Осинин проиграл ещё несколько дел и понял, что его целенаправленно загоняли в угол. По всей видимости, он стал слишком одиозен для «мировой элиты», а в России просто хотели его уничтожить.

Но он не дастся. Он был наверху, больно упал, но ещё встанет. Как-то, на пике своего могущества, Ян выпивал с заслуженным космонавтом, и у него вырвалось:

– Знаешь, надоело всё... Последнее, чего хочу: сесть в космический корабль, прыгнуть на орбиту и посмотреть на Землю – какая она маленькая и какие жалкие насекомые по ней ползают.

Что же, возможно, и это осуществится. А он – ризин... Ещё бы полоний вспомнил, которым отправил на тот свет одну гниду – бывшего гэбиста, переметнувшегося к Яну, а потом, как все они, попытавшегося его предать. Это насекомое намекало на шантаж. Ну и получило... пару крупиц полония. Умирало ничтожество долго и мучительно, а уж Ян постарался, чтобы в убийстве обвинили бывших коллег мерзавца, а из его жуткой агонии сделали мировое шоу.

Осинин глотнул ещё из стакана и с довольной улыбкой откинулся на кровать, вспоминая подробности той операции. Просмотр ролика с катастрофой вертолёта уже изрядно возбудил его, а теперь эрекция стала ещё сильнее. Где же его «рыбка»?..

А вот и она. Машина сигналила за оградой. Ян нетерпеливо потянулся к пульту и нажал на кнопку, открывающую ворота, одновременно следя по монитору, как автомобиль въезжает на территорию. Очень неприметная машина. Так положено – бизнес этой конторы был поопаснее наркоторговли. Хотя Ян мог назвать имена ТАКИХ людей, прибежавших к услугам этой фирмы... какие лучше не называть.

«Рыбка» выскользнула из машины и уверенно вошла в дом, словно делала это не в первый раз. Впрочем, может, так оно и было. Странно, что с ней не было сопровождающего. Машина сразу развернулась и уехала: в фирме знали, что этот клиент всегда заказывает товар на всю ночь.

Ян услышал уверенный цокот каблучков по лестнице. Слишком уверенный – точно, не первый раз здесь. Жаль, Ян предпочитал не возвращаться к полученным уже удовольствиям.

Но когда девочка впорхнула в комнату, Ян понял, что никогда не видел её. И она была очень хороша – то, что надо. Может, конечно, ей было чуть больше двенадцати, но это не имело значения. Длинные, слегка мосластые ножки, затянутые в телесного цвета колготки – на улице в таких быстро бы продрогла – изящные туфельки, тоже не для весенней слякоти. Милое слегка веснушчатое удлинённое лицо, обрамлённое золотистыми прядями («Натуральная», – опытным взглядом подметил Ян). Губы чуть подкрашены. И вообще косметики совсем немного. Обтягивающий джемпер подчёркивал незрелость форм, что привело Осинина в восторг. Он немедленно потянул девчонку на кровать. Она не без грации поддалась – опытная. А кажется такой невинной... Это сочетание возбуждало Яна безумно.

– Как тебя зовут? – хрипло спросил он, с увлечением поглаживая торчащие под джемпером выпуклости и чувствуя, как твердеют соски. Девушке определённо нравилась её работа.

– Дженни, – ответила та детским голосом, в котором, однако, неуловимо проскользнуло нечто донельзя порочное.

– Дженни, Дженни... – повторял Ян, задирая джемпер, чтобы добраться до тела. – «Дженни туфлю потеряла. Долго плакала, искала...», – прорвалось вдруг из далёкого детства.

Девочка, ни слова не понимающая по-русски, спокойно позволяла Яну делать всё, что ему угодно. «Пожалуй, слишком пассивна... Надо бы её подогреть», – подумал он, схватил второй стакан, плеснул туда коньяка и сунул девчонке.

– Пей.

Она выпила, лишь слегка закашлявшись, и поставила пустой стакан на столик. Ян налил и себе, глотнул и наклонился, чтобы развязать шнурки туфель из крокодиловой кожи. Поэтому не заметил, как девочка бросила в его стакан крошку вещества, которая тут же растворилась в янтарном напитке.

– ...долго плакала, искала... – продолжал бормотать Ян, сбрасывая туфли и выпрямляясь, чтобы освободиться от остальной одежды. И замер, позеленев, как покойник.

– ...Мельник туфельку нашёл и на мельнице смолот, – насмешливо закончило стихок существо, которое сидело теперь на месте малолетней проститутки.

Ватной от ужаса рукой Ян взял стакан коньяка и медленно выцедил его, не спуская безумевшего взгляда с этого лица, которое он видел лишь раз в жизни, но оно останется в его памяти до самой смерти. Одновременно прекрасное и уродливое, как-то неровно смуглое, словно давным-давно опалённое жутким пламенем, с глазами, лишёнными радужек – на Яна в упор уставились две бездонные глазницы, точно два ствола. Лик как бы расплывался, никак не удавалось захватить его взглядом. Местами он словно бы просвечивал, и сквозь него виднелись части комнаты. Но тут же эти просветы зарастали, и лицо вновь обретало форму.

– Тебя нет, – сумел выдавить Ян.

– Так-таки и нет? – насмешливо спросил непрошенный визитёр. Голос был резок, неприятен и порождал слабое эхо. – А с кем ты подписал договор, когда был двенадцатилетним засранцем?

– Это было в бреду, – ответил Ян, сознавая, что сейчас не бредит, а видит того, в чьё существование не сильно верил.

– А договорчик-то вот он, – произнесло существо, извлекая из внутреннего кармана старомодного сюртука исписанный аккуратным школьным почерком линованный тетрадный

лист. «Чтобы стать самым великим и чтобы отомстить всем, кто меня обидел»... Помнишь? Вот и подпись – кровью, как положено.

Да, Ян писал эту бумагу – в жутком гриппе, с температурой под сорок, после того, как его крепко побили в классе. И пришёл ЭТОТ, и Ян подписал...

– Зачем ты здесь? – Ян постепенно осознавал ситуацию и пытался противостоять. Он всегда пытался. – Ты не выполнил договор!

Существо расхохоталось, и смех его был страшен, хоть и негромок.

– Дурачок ты, Осинин, – продолжая смеяться, сказало оно, разорвало бумажку на мелкие клочки и бросило их в тлеющий камин. – А кто крестился в 94-м? Помнишь? Или настолько пьян был, что забыл? Да нет, помнишь. Даже потом исповедовался. Мне, знаешь ли, попов, которые тебя исповедовали, всегда жалко было. Ребята и подумать не могли, сколько всего ты от них скрываешь...

– Причём тут это? – прохрипел Осинин.

– А при том, мой дорогой, – лениво ответило существо, закидывая ногу на ногу, – что крещением наш договор был аннулирован. Я ведь это предвидел. Иначе на кой ангел мне, скажи, пожалуйста, душа не крещёного? Она и так моя, по определению. Но я знал, знал, что рано или поздно ты пойдёшь в церковь. Да я сам тебя туда подтолкнул. Ты ведь на всякий случай пошёл – мол, мало ли что. И про договорчик наш забыл сказать батюшке. Но это мелочи. После крещения ты чистенький был, и вот если бы тогда сразу помер, мне бы не достался. Но уже через час ты приказал убить того пахана, помнишь? А вечером тебе двух девочек привезли. И это на тебе, и много, много чего. Вплоть до этой шлюшки, которую ты сейчас тискал. Но это уже так, последний штрих. Пора тебе, братец Ян.

– Куда? – испуганно спросил Осинин.

– Да ты же и сам знаешь, – небрежно ответило существо и взяло его за руку. – Пошли.

– Не пойду! – истерически закричал Ян, хватаясь за кровать.

– Пойдёшь, пойдёшь, – с глумливой ленцой заверила тварь. – Мне не злой мальчишка был нужен, а настоящий злодей-отступник. Вот я тебя по этому пути и провёл. Почти до самого конца. Вспомни-ка всё, Янкель Аронович Осинин!

Яну вдруг показалось, что он полностью утонул в чёрных дырах зрачков и оказался в полной тьме. Но в этой тьме мелькали призрачные картины: простреленные головы, нож в его руках, перерезающий горло, измождённое, безволосое лицо отравленного полонием шпиона, нищие умирающие старики, взрывы домов, проданные, заведённые в окружение солдаты, падающий на землю вертолёт и много чего ещё...

– В наших краях уготовано тебе место почётное, – услышал он и словно вынырнул из омота. Существо продолжало со страшной силой сжимать его руку. – Ты ведь почти свят – в нашем понимании, конечно. А мы своим святым респект оказываем. Своеобразный, но тебе, думаю, понравится.

– Уйди! – простонал Ян. – Спаси, Господи!

– Поздно, Он теперь тебя не слушает, – скучливо ответила тварь. – Ты вот что сделай – так, как наш главный святой. Понимаешь, про кого я?

Ян отчаянно замотал головой.

– Ну, не важно, – ответило существо. В голосе его звенела зловещая насмешка. – Всё равно уже мой, как ни трепыхайся.

Каким-то неведомым образом они оказались в саду, но не в том, что рос перед домом – деревья здесь были пустые и голые, выставляя высушенные ветви, как воздетые конечности скелетов. Ян готов был поклясться, что это был не Лондон. А что это было – чёрт знает. Бывшего олигарха затопил безумный, изнуряющий ужас.

Существо подвело его к одному из деревьев с очень низко склонённой толстой веткой.

– Вот это тебе подойдёт. Как и тому подошло, – произнесло оно.

– Что? – выдавил из себя Ян.

– Что-что, осинка, конечно, – небрежно ответил его поводырь и взялся рукой за шарф Яна. Тот с ужасом увидел на чёрных пальцах твари длинные кривые когти.

– Пойдёт, – заключило существо. – Давай, делай.

И тут Ян обречённо понял, что делать придётся. Размотав шарф, он передал конец существу, которое ловко завязало его на ветке. Потом долго возился с петлёй, пока искуситель не отобрал шарф и не сделал её сам. Подтянул шарф по размеру, накинул петлю на шею Яна и, как маленького, поднял и подсадил его на ветку.

– А вот теперь сам. Больше мне тебе помогать нельзя, – сказал бес и сложил когтистые лапы на груди.

– Зачем? – прохрипел Осинин, с трудом балансируя, чтобы не сорваться.

– А что тебе ещё остаётся? – с некоторым даже удивлением спросил злой дух.

Ян знал – больше ничего. Поэтому просто дал своим ногам в рваных носках соскользнуть с ветки. Его охватило мучительное удушье. На мгновение вокруг вспыхнули ярчайшие звёзды, и в голове мелькнуло, что он-таки прыгнул на орбиту. Однако всё вокруг вновь почернело, и в этой бездонной черноте сначала появился пронзительный красный огонёк – словно последний уголёк догоревшего дома. Но он разрастался и превратился в ревущее пламя, которое мгновенно пожрало то, что оставалось от Яна Осинина.

* * *

Джейн Сэлливан, агент МИ5, двадцатишестилетняя блондинка, выглядящая, как девочка-подросток, чем повсюду пользовалась в своей работе, сначала испугалась. Клиент, которому она подсыпала в коньяк рицина, вдруг выпрямился и уставился на неё бешеным взглядом. Она решила было, что раскрыта и нащупала «стреляющую ручку» с отравленным цианидом зарядом. Но клиент протянул руку и выцедил напиток. Джейн слегка отпустило.

Клиент вдруг стал что-то бормотать, обращаясь явно не к ней. Ну да, по-русски она не знала ни слова. Её заданием было просто подсыпать яд бывшему агенту влияния в России, который стал бесполезен и только компрометировал своим пребыванием Соединённое Королевство. Потом с ним пришлось бы переспать, изображая развратную школьницу, а утром уехать на машине конторы. Клиент бы тихо умер через несколько дней – от инфаркта, инсульта или пневмонии, и Джейн просто забыла бы об этом эпизоде.

Но русский, похоже, сошёл с ума. Он спорил с кем-то, о чём-то умолял, и на лице его был написан непередаваемый ужас. Джейн просто не знала, что делать.

Наконец он вскочил и, как был в носках, побежал в ванную. Джейн пошла за ним и видела, как он лихорадочно привязывает шарф к перекладине для полотенец и делает петлю. «Не выдержит», – прикинула опытная в такого рода делах дама. И правда не выдержал, но не перекладина, а шарф – когда клиент встал на край ванны и прыгнул, он порвался и мужик свалился ничком с болтающимся обрывком на шее.

Джейн подождала несколько секунд – не очнётся ли – потом проверила пульс на шее. Мёртв. Ну что же, так тоже неплохо. Только надо замести следы.

Она прошла в комнату и тщательно вытерла всё, за что бралась. Свой стакан она вымыла, надел перчатки, поставила на место, а в стакан Яна долила коньяка. Подумала, взяла его дорогие туфли, пошла в ванную и натянула на покойника, не забыв завязать шнурки. Вернулась в комнату, позвонила и сказала кодовую фразу. Вскоре машина уже въезжала в аллею. Тут Джейн заметила, что пропустила флэшку, торчащую из компьютера. Всё, что было на жёстком диске, давно уже находилось в конторе, но на флэшке могло быть что-то интересное. Сунув флэшку в сумочку, осмотрелась в последний раз. В угасающем камине догорали какие-то бумажки. Ну и пусть. Девушка отвернулась и весело сбежала вниз, не забыв запереть дверь электронных

ключом – точной копией того, который остался в кармане пиджака покойного олигарха Яна Осинина.

Беги, пацан, беги!

Ипт, вот это уже серьёзно. Трое навстречу, двое заходят сзади. Не сопляки и не бакланы, главарь точно деловой – внимательные тусклые глаза, холодная усмешка, в рукаве прячет выкидуху. Его надо валить первым, с остальными будет легче.

И где, спрашивается, эта ваша долбанная мировая гармония? Стоит усталому следаку сдать табельный ствол и побрести по городу, наслаждаясь тёплым майским вечером и любимым портером, как начинает наяривать холодный дождь, порывы ветра грубо толкают в задницу, а любимого портера нет в ларьке, и приходится заменять его нелюбимым. Хоть тот и крепче. А когда, добывая шестую бутылку, этот вполне умиротворённый следак расслабленной походкой приближается к дому безлюдным парком и уже видит немые тёмные окна своей холостяцкой берлоги на четвёртом этаже, он наяривается на пятёрку гопников с серьёзными намерениями. Я не имею в виду, что они жаждут предложить мне руку и сердце.

«Щ-щчик», – щёлкает выкидуха. «Длинь-звяк», – недопитая бутылка разлетается от удара по краю урны, обдав мою руку пивом и оставив в ней симпатичную «розочку» с выдающимся острым осколком.левой я перехватываю клешню пахана, несущую перо прямо в мою печень. Спасибо, не надо. Она, конечно, основательно проспиртована и вряд ли долго протянет, но всё-таки ножик – это лишнее. Моя правая с «розочкой» между тем достигает ухмыляющейся морды противника. «Ч-чпок», – лопаётся его глазное яблоко. Уркаган дико орёт, на меня брызгает кровь и глазная жидкость. А вы что думали, я им ментовскую ксиву совать стану? Хрен!

Тут меня охаживают чем-то по рёбрам. Телескопическая дубинка, похоже. Вот же прибрахлённые пацаны какие! Бью ногой с разворота, попадаю удачно, гопник отлетает на газон. От кастета успеваю отстраниться. В принципе, инцидент исчерпан – пахан, стоя на коленях, исходит стопами и матюгами, обеими руками держась за лицо, очевидно, в надежде удержать вытекающий глаз. Поздно, милый. Ушибленный ногой, кряхтя, старается подняться, ему тоже пока не до чего. Третьего, с кастетом, опрокидываю прямым в челюсть. Остальные сейчас побегут. Тут меня накрывает тьма.

Солнечный луч елозит по моим стиснутым векам. Идёт оно всё лесом, не хочу просыпаться! Головная боль пока трепыхается где-то в недрах черепа, но стоит открыть глаза, и она заполонит собой весь мир. Когда это я вчера успел так нажраться? Птички поют, ипт... Стоп, какие, на хрен, птички? И почему холодно и твёрдо?

Глаза придётся открыть. Солнце исчезло. Я лежу щекой на мелком песочке, и перед моим носом ползёт нахальный муравей. Птички поют, ага. И боль. Какая боль!

Теперь вспоминаю. Ночь, парк, гопники. Меня отоварили. Ладно, не в первый и не в последний раз. Но вот ведь люди суки – никто даже не подумал позвонить в ментовку, хотя наверняка полдома смотрело на наше месилово, прятаясь за занавесками. И никто за всю ночь не поинтересовался, жив я или помер. А впрочем, ничего удивительного...

Медленно, стараясь преодолеть мощный позыв блевануть, поднимаюсь. Что-то явно не так. Что-то вообще странно. Ощупываю голову. На ней нет не только основательной дырки, как я опасался, но и какой-нибудь паршивой шишки. И крови на лице нет. И нет её на руках. И на дорожке никаких следов побоища.

Ревизую карманы. Всё на месте – лопатник, мобила, ключи. Часы на руке. 6.27. Утра, надо полагать. Да, дрожащий луч солнца изредка проклёвывается сквозь сырой саван грязных туч. Какой хреновый май! А вот и ксива. Может, ребяташки потянули сначала её, увидели, что завалили мента и со страха разбежались? Не похоже – волчары те ещё были.

Но что же это тогда, мать вашу, мать вашу, мать вашу?!

Оглядываюсь вокруг и обессилено сажусь на скамейку.

Парк тот, ага. Я бегал тут в нежном возрасте, и до сих пор живу в квартире, которую мамаша в наследство оставила. Но, Господи, он ведь именно ТОТ – из детства! Вон гипсовая облупившаяся, но девка с веслом – а её уже лет десять как окончательно разбили местные поганцы. Но вот – стоит в целости, довольная такая, мля. И дерево... У меня захватывает дух при виде любимого дуба, в детстве казавшегося гигантским, да он и правда очень толстый, и каждая его ветка мною-пацаном излажена. Пять лет назад в него попала молния, и он долго горел, а что осталось, спилили и увезли. Я тогда выпил вечером раза в два больше, чем обычно. Но вот же он, шелестит себе молодой листвой!

Мимо скамейки ковыляет бабка с кривоногой таксой. Обе окатывают меня подозрительным взглядом.

Все номера в памяти мобилы «отключены или вне зоны доступа». В том числе и провайдера.

Я вижу угол соседнего с моим дома и кусочек транспаранта на нём. Я очень хорошо знаю, кто там изображён: бровастый вождь. Но транспарант сняли через пару недель после его смерти – в восемьдесят втором...

Я боюсь, но всё-таки оглядываюсь и бросаю всполошённый взгляд на свои окна. Чисто вымытые, просто сияющие, чего у меня никогда в заводе не было. И памятные мне ситцевые занавески... Сшитые мамой...

Если вы думаете, что я тупой мент с воображением носорога, вы крупно ошибаетесь. Я читал фантастические книжки, и знаю, кто такие «попаданцы». И сам часто мечтал вернуться на тридцать лет назад и кое-что сделать... Но одно дело мечтать, а другое – обнаружить вдруг, что невозможное случилось. Однако на это у меня имеются навыки следователя: я знаю, что верна та версия, которая соответствует всем имеющимся фактам. Какой бы она ни была невероятной.

Впрочем, всё это не значит, что я не удивился – челюсть, мягко говоря, отвалилась конкретно. А то: в бреде ли, после смерти или в реальности я переместился в прошлое. В то прошлое, где я был мелким, а жизнь казалась разноцветной. Но если так, я должен сделать тут то, что должен, хоть удивлённый, хоть со съехавшей крышей, хоть мёртвый – если это, предположим, вариант ада. Какая разница, кто подарил мне эту возможность – ведь это именно то, чего я со слезами выпрашивал непонятно у кого долгими бессонными ночами.

Но сперва надо точно узнать дату. Будет мерзко, если меня принесло сюда слишком поздно. Впрочем, я не удивлюсь – надо думать, такова сука-жизнь во всех мирах, какие есть. Приходится просто сжать очко и бодаться, пока тебя не отволокут ногами вперёд на свалку. А иначе никак.

Ларёк «Союзпечать» стоит там, где я и помню. Какой же он щелистый и облупленный! Жадно впериваюсь в первые полосы нескольких газет, игнорируя удивлённый взгляд продавщицы. Буквы расплываются передо мной, я с усилием концентрирую взгляд и вижу: «27 мая 1981 года». А ё!..

Тот самый день. Ну, конечно же, кто бы, ипт, сомневался!

С хмурого неба, на котором не осталось ни следа солнца, начинает накрапывать нудный дождик. Судя по выражению хлебала продавщицы, сейчас она побежит звать милицию. Я быстро отхожу в соседний двор и сажусь на скамейку. Думать надо зверски, а мне зверски хочется жрать и ещё больше – выпить. Но с этим придётся погодить. Достаяю сигарету, зажигаю, затягиваюсь.

«Пик-пик-пи-ик. Московское время семь часов», – из открытого окна на первом этаже приглушённо раздаётся радостный голос дикторши «Маяка». Гляжу на часы – надо же, так оно и есть. И дата та. А в настоящем... там, откуда я свалился, было двадцать восьмое... Мне некогда думать над этой фигнёй, времени в обрез. В лопатник я даже не заглядываю – козе ясно, что тут на фиг не прокатят ни мои тысячные и пятисотенные, ни, тем более, кредитка. А

бабло мне ох, как нужно! В своём нынешнем виде я здесь долго не прохожу – и так уже редкие по утреннему времени прохожие пялятся, как на диво. Представьте в восемьдесят первом развалившегося на скамейке в советском городе жлоба с бородкой подковкой, связанными в хвост волосами и куртке из ткани, которую вряд ли ещё изобрели. Шпион в натуре! Как бы уже в гэбуху не стукнул кто.

Я поспешно снимаю резинку с хвоста и распускаю волосы по плечам – так тут, вроде, всякие неформалы ходят. А хвосты мужики точно ещё не носят. Но всё равно видок подозрительный и, скорее всего, гулять мне до первого мента. А в карманах-то что! Одна ксива в ступор приведёт всё отделение, да ещё бабло из свободной России... И мобила! Расстрел, как минимум. Или в институт – на опыты.

В принципе, что делать я знаю. Тряпки мои тут сокровище, только бы доставить их в нужное место. И оно есть – я точно помню, что в тот день была суббота. Значит, «балка» торгует.

Я вскакиваю и несусь к автобусной остановке. Надо же, как всё помню! Номер автобуса тоже. Путь на окраину долгий, но пересаживаться не надо. Кассы на самообслуживании, а контролёры ходят редко.

Дождь разошёлся, как психованный урка. Потоки хлещут в окна упорно трясущегося по выбоинам автобуса. Лица немногочисленных пассажиров скорбно вытянуты, словно они едут на похороны. Но большая часть едет туда же, куда и я.

Я гляжу на плывущий за мокрыми окнами город. Бесконечные серые улицы, которые никакой дождь не отмоеет, потому что гнилая серость разъедает самое их нутро. Лозунги, лозунги – через фасад. Огромные буквы, мускулистые руки рабочих, мудрое лицо с бровями. Ничем не лучше рекламы. Даже хуже. Сутулящиеся сограждане, одетые в какое-то унылое тряпье. Хорошо ещё, машин мало и пробок нет, иначе я бы на этом тарантасе весь день тащился.

Пока еду, дождь прекращается, но небо остаётся безнадежным. Вхожу на «балку» – огромный овраг в окружении рабочих общаг. Полулегальный городской рынок, где можно купить и продать всё. По этим временам, конечно.

Я – здешний – сейчас ещё мал, но потом я это время изучал. В основном, криминальную среду. Потому что интересовался... «Балку» сейчас, кажется, не могут поделить цыгане и первая местная «бригада». У цыган обрезы и наганы, а у «бригады» есть тэтэхи и даже парочка МР-40, которые не надо называть «шмайссерами». Уже должны быть первые трупы, но меня это не колышет.

Здесь я привлекаю меньше внимания – «балка» ещё и не таких фраеров видала. Ну и славно. Прохожу мимо старух, разложивших прямо на промокшей земле на газетах всякую дрянь, и тёток, мающихся с уродливыми куртками и сапогами на продажу. А вот и мой клиент. Рыжий, похожий на лису, чувак в мешковатых вытертых джинсах и замшевом пиджаке. В руках ничего нет. Стоит, курит, лениво обзревает окрестности.

– Глянь мои штаны, – от моего тихого голоса он вздрагивает и кидает взгляд в сторону. Там дружки, конечно, но мне пох.

– Только глянь, – я поворачиваюсь, чтобы он увидел лейбл.

– Левисы... – восхищённо вздыхая, он ощупывает строчку, – настоящие, вроде.

– Настоящие, – подтверждаю я. – А куртон нравится?

– Ага. Болонья такая?

– Угу, болонья. Короче, ты мне нормальные советские тряпки. Моего размера. И четвертак сверху. Куртон и штаны твои.

Парень застывает с полукрытым ртом, потом воровато оглядывается. С одной этой сделки он заработает много... для него очень много. Если проведёт её мимо друзей. Я всё верно рассчитал – опыт не пропьёшь.

– Ладно, – тихо бросает он. – Пошли.

За общагами обычные жилые кварталы. Парень подводит меня к вонючему подъезду.

– Жди здесь.

Я киваю. Он собирается уходить, но становится, как вкопанный, когда я железными пальцами хватаю его за локоть.

– Как тебя зовут?

– Л-лёша.

– Алексей, смотри не наколи, – говорю тихо, но так... значительно.

Конопатая рожа бледнеет.

– Да ты что, чувачок, да всё будет пучком!

Из его рта вылетают капли слюны. Я брезгливо отстраняюсь, но пока не отпускаю.

– И вот что забыл. Мне перо нужно. Хорошее. За отдельную плату.

– Какое?

– Не колбасу резать, в натуре. Подгонишь?

Лёша судорожно кивает. Боится, но жадность сильнее.

Он приходит часа через полтора – я уже почти добил пачку сигарет и начал нервничать.

– Пошли в подъезд.

В подъезде воняет мочой – кошачьей и человеческой. Уединяемся под лестницей. За всё время по ней проходит только одна тётка, не обращающая на нас внимания – близ «балки» такие сценки обычны. Так, обдергайские штанцы с олимпийским мишкой на заднице, жёсткая сероватая футболка, которая после первой стирки будет напоминать мешок. А вот курточка неплохая – из мягкой японской болоньи, только ношенная. Всё вместе не больше пятидесяти рублей, если я верно помню.

Скидываю штаны и куртку, протягиваю Лёше.

– Майку, – требует он.

Хрен с ним, забирай мою пропотевшую футболку с огромной рожей Бен Ладена, которую ношу из чистой вредности. Забавно будет смотреться на каком-нибудь здешнем комсомольце.

– Что за чувак? – интересуется Лёша.

– Группа «Аль Каида». Не слышал?

– Не-а, – с уважением качает головой и тут же требует, – Шузы давай. И котлы.

– А вот это хрен, – отрезаю я.

Удобные мокасины здесь подозрений не вызовут, а точные часы «Сейко» ещё пригодятся, надо только повернуть их на тыльную сторону запястья.

– Перо?

Лёша воровато оглядывается и вытаскивает из-за пазухи завёрнутый в газету предмет. Охотничий нож в чехле. Ничего, хотя тупой и сталь не первый сорт.

– Это на четвертак, – нагло заявляет барыга.

Я поднимаю на него холодный взгляд и слегка вынимаю клинок из ножен.

– Лёша, – тихо говорю ему, – больше чирика оно не тянет.

Лёша судорожно сглатывает, лезет в карман и протягивает мне смятые десятку и пятёрку. Просёк расклад. В утешение дарю ему наполовину полную одноразовую зажигалку. Похоже, парень счастлив.

– Гражданин, предъявите документы, – тяжёлая, но неосторожная рука опускается мне на плечо через пару кварталов.

Резко приседаю, захватываю руку и бросаю лоха через бедро. «Кр-ря-щчик!» – это в его руке. Кажется, сломал. Жалко – мент совсем молоденький. Дурачок – зачем побежал за мной один. Вытаскиваю из кобуры его ПМ и вырубая служивого рукояткой. Прости, сынок, у тебя своё дело, а у меня своё. А вот Лёше за такие шуточки надо бы вставить его перо в попу. Но времени нет, а теперь стало ещё меньше.

Переходя по мостику небольшую, но быструю речушку, бросаю в грязную воду ксиву, мобилу, кредитку и российские рубли. Пятнадцати советских мне хватит с избытком. Несколько раз меняю маршруты автобусов, уезжая как можно дальше от места преступления. С координацией у них тут неважно. Пока объявят общегородскую тревогу, я всё успею, тем более что скоро перестану соответствовать словесному портрету.

Вот и то, что мне надо – маленькая парикмахерская, прячущаяся в зелёном дворике. Конечно, эту тётку, с удивлением сбрывающую мою стильную через тридцать лет бородку и стригущую «под канадку» длинные патлы, найдут, но не сразу. На улицу выхожу, благоухая тройным одеколоном и чувствуя себя полноценным советским человеком.

А теперь – жрать и пить. Пирожковая попадаетея через два дома. Первый стограмчик по-божески разбодяженной водовки взрывается в желудке тёплым фейерверком и разносит по крови сияющие частицы веселья. Я кусаю мерзкий рыбный беляш и опрокидываю второй стограмчик. Теперь беляш кажется гораздо вкуснее. Жизнь бывает неплоха. Иногда. Редко.

Ещё через час сижу на диком берегу большой реки и, прихлёбывая из бутылки «Бархатное», точу нож о камень. Доволя лезвие до бритвенной остроты, я выпускаю из памяти навечно впечатанное туда лицо щуплого человечка с редкими сальными волосами и глазами бешеного хорька за железной оправой очков. Дождь опять припустил, но я знаю, что к вечеру он стихнет. У меня ещё часа два чтобы добраться туда, откуда я ушёл утром и увидеть во дворе двенадцатилетнего мальчика – себя. Он-я должен сидеть на скамейке с тринадцатилетней соседкой по имени Оленька, которая давно ему-мне нравится, но познакомиться с которой ему-мне удаётся только сегодня. Моя задача – незаметно сопровождать их в прогулке по лесополосе, которая начинается за станцией электрички. Лучше, конечно, просто не пустить их туда, но я понятия не имею, как это сделать.

О, если бы они не пошли туда сегодня! Я так долго жил с этой болью, она стала настолько привычной, что не могу представить себя без неё. Он набросился на нас, когда мы целовались – это был мой первый поцелуй и всё во мне пело. Как потом выяснилось, тварь следила за нами от станции и кралась по лесополосе, которую знала, как свою грязную ширинку. Тварь искала очередную жертву – пятьдесят третью к этому времени.

Мы оба завопили в страхе, когда нас схватили сзади за волосы – он ведь силён, как зверь, несмотря на свою ледащую фигуру. Он раскровил наши лица о ствол дерева и приказал молчать. Мы слышали истории про убийства в лесополосе и сразу поняли, во что вляпались. Не дай Бог никому пережить такой ужас. Он утащил нас подальше в чашу, на уединённую полянку, связал по рукам и ногам и заткнул рты тряпками. При этом всё время бормотал что-то и брызгал слюной. Он него разило, как от скотомогильника.

Он не был гомосексуалистом, поэтому первой занялся Оленькой. Сначала разжёл маленький костерок. Из большой сумки достал нужные ему предметы и разложил в порядке, как опытный мастер перед работой. Банка вазелина (он был импотентом), молоток, коробка больших гвоздей, разные ножи, клещи. В сумке была ещё кастрюлька, в которой он потом варил внутренности жертв и пожирал их в своём гараже, перед тем как пойти домой, к жене и детям.

Наконец он сказал писклявым голосом, в котором подёргивалось радостное нетерпение: – Ну что, детки, приступим!

Наверное, когда он меня связывал, я инстинктивно напряг мышцы, а когда их расслабил страх, ослабла и верёвка. Я почувствовал это и стал извиваться, стараясь освободиться. Он не заметил: был очень занят, пытаясь изнасиловать Оленьку – позже выяснилось, что это ему удалось. Когда он закончил, мои руки были свободны, а девочка, думаю, к этому времени уже потеряла сознание от боли и страха. Лихорадочно освобождая ноги, я видел всё, что этот отморозок с ней делал! Подробности опушу. Что бы он сделал со мной, не знаю. Мальчикам он часто откусывал языки и члены, но случались у него и другие фантазии.

Узнать их мне не довелось – я бежал. Просто бежал по лесу и орал во всё горло. До сих пор боль и стыд от того, что я не кинулся на него и не попытался спасти Оленьку, преследуют меня. Пока оказался дома, пока мать поняла, что случилось, пока бегала к соседке звонить в милицию, пока милиция рыскала по лесополосе, он уже ушёл. Оленьку нашли. То, что от неё осталось. Лицо её матери я не забуду никогда.

Его поймали только через год, случайно. К этому времени он успел довести число своих жертв до шестидесяти. Я был несовершеннолетний и с меня взяли только письменные показания. Когда я думал, что буду в суде, я сделал «поджигу» – примитивный пистолет из стальной трубки и деревянной чурки. Я думал убить чудовище свинцовой пулькой. Конечно, мне бы это не удалось. Но его приговорили к «вышке» и расстреляли, а я остался жить.

Зачем – до сих пор я не понимал. С той лесополосы моя жизнь сделалась другой, как дерево, которое в какой-то момент стало расти вбок. Лесополосе я обязан тем, что так и не женат: ни одна баба не спит со мной больше одного раза – потому что войти в неё я могу, только искував и исцарапав её до крови. И ещё – я убийца. Я понял это, когда завалил первого духа на броне через Пяндж, и мне стало приятно. С тех пор я бывал во многих точках, и каждый раз, когда я валил кого-нибудь, меня охватывало поганое чувство какого-то гаденького веселья и приподнятости. И ведь это я, уже работая в отделе, до смерти забил подследственного, подозреваемого в изнасиловании малолетней (он её и правда изнасиловал). Начальству, которое меня ценило, пришлось сильно повозиться, чтобы спустить дело на тормозах. Я часто думаю, каким бы я был, не будь лесополосы, где я видел то, чего никому видеть не надо, и если бы я не ненавидел себя за трусливое бегство. Вдруг я дружил бы с Оленькой и не остался бы на сверхсрочную, потому что она ждала меня, женился бы на ней и не пошёл в ментовку, а приходил бы трезвый, в нормальное время с нормальной работы, и, подходя к дому, видел бы, как приветливо светят мои окна с красивыми занавесками.

Я пальцем проверил бородку ножа, слегка порезавшись при этом, допил пиво, разбил бутылку о камень и отправился к лесополосе.

Мля, я упустил их! Этого можно было ожидать: точное время встречи не помню. Наступал вечер, но ещё не смеркалось. Вы спросите, почему я не нашёл мразь до того, как она нашла их, и не насадил её на перо? А где бы я искал? Я досконально изучил дело, когда стал работать в отделе, но мне в голову не пришло узнать, где он провёл этот день – я же не думал снова очутиться в нём. Так что быть он мог где угодно, а у меня не было времени искать.

И вот я лихорадочно шарюсь по начинающему темнеть грязному и мокрому пригородному лесу, спотыкаясь о поваленные брёвна, уклоняясь от норвящих выбить глаз сучьев, продираясь сквозь кусты, оставляющих на мне всякую труху и мерзостных бикарасов. Купленный в хозяйственном фонарь вырывает из тьмы пугающие силуэты растительности, похожие на полуразложившиеся трупы. Сердце моё лупится в тревоге, а в душе нарастает тоска, потому что я никак не могу найти их. Да и как бы я запомнил, где именно мы тогда бродили. Нам ведь было хорошо...

Проблеск среди древесной городьбы. Костёр! Я опоздал, уже началось самое страшное!

Пальцы сами выключают фонарик, тело само вспоминает, как двигаться бесшумно. И вот я уже на краю той памятной, проклятой полянки, надёжно скрытой в зарослях.

– Ну что, детки, приступим!

Этот писк тридцать лет преследовал меня по ночам.

Но на сей раз приступил не он, а я. «Пха-па-бах!» Два выстрела ПМ дробят ему колени. Он дико орёт и падает ничком. Девочка лежит неподвижно, глаза её почти выкатились из орбит. Парень продолжает отчаянно извиваться, пытаясь освободиться. Я подскакиваю и перерезаю на нём верёвки. Он пытается подняться, падает, опять поднимается.

– Беги!

Он стоит, как вкопанный. Лицо бледное, сырое, губы дрожат. Трусливый щенок!

– Беги, пацан, беги! – ору я, разворачиваю его и со всей дури толкаю в сторону станции. Он спотыкается, но удерживается на ногах и одним прыжком исчезает в кустах.

Я режу верёвки у Оленьки. Мразь всё ещё корчится от боли, не понимая, что случилось. Глаза девочки почти встали на место. Странно, в них нет ни слезинки – один безбрежный ужас.

– Беги за ним! – кричу я и отворачиваюсь. Мне тяжело на неё смотреть. Позади раздаётся шорох кустов.

Мы одни с ним.

Кажется, он уже понял. А мне начхать. Привязываю его к дереву – у него есть моток отличной бельевой верёвки, я помнил точно. Залпом выпиваю припасённый «мерзавчик» и гляжу в опавшее лицо. Оно полно страха, монотонное подвывание непрерывно выходит из-за стиснутых челюстей. Но глаза сумасшедшего хорька за разбитыми очками мерцают так же злобно. Я лоскутами срезаю с него одежду. Одна нога почти оторвана выстрелом. Плохо, может помереть до времени. Останавливаю кровь жгутом. Подготовка закончена.

В два приёма отсекаю ему половые органы и запихиваю в разверстый воплем рот. Он должен прожевать и проглотить всё, пока ещё есть язык и зубы – они будут у него недолго. Он жуёт и глотает.

Вам не стоит знать, что я делаю дальше. В общем, примерно то, что он ТОГДА сделал с Оленькой. За час всё кончено. Он висит, приколоченный гвоздями к дереву, изо всех отверстий в его теле бежит кровь, а из задницы торчит суковатая ветка. На каком этапе процесса он умер, не знаю, но он уже мёртв. Однако я аккуратно простреливаю ему голову – во избежание.

Поворачиваюсь – в сполохах огня, тяжело дышащий, пьяный, смердящий кровью и смертью – и столбенею. В кустах стоит и смотрит... Оленька! В её огромных глазах мерцает пламя костра. Она никуда не уходила и видела всё. Всё!

– Пошла вон, сука! – ору не своим голосом.

Она вскрикивает и исчезает в темноте.

– Руки вверх! Бросай оружие!

Мля! Я должен был сообразить: в ЭТОТ раз они придут быстрее – ведь они и так целый день ищут МЕНЯ.

В ПМ ещё пять патронов, а ...ули толку. Я сделал всё, что мог. Теперь всё равно.

– Стой, стреляю!

Бросаю нож и пистолет, рвусь в кусты. Выстрел – этот в воздух. Ещё и ещё – эти мимо. Неужели уйду? Удар – как железным прутом под левую лопатку. Тьма.

Похоже, меня отоварили по голове и я слегка отвлёкся. На полсекунды – не больше. Пахан всё стонет, прижав руки к лицу, тот, кого я ударил ногой, пытается подняться, а третий неподвижно валяется на газоне. Разворачиваюсь к четвертому и плечом ловлю железный прут. Не обращая внимания на боль, впечатываю кулак в диафрагму и сразу – коленом по морде. Готов. Пятый уже мелькает кроссовками в глубине аллеи. Остальные тоже поднимаются со стонами и исчезают во тьме. Да, инцидент исчерпан.

И тут приходит память. Господи, что это было?!

Добираюсь до скамейки, сию, пытаюсь понять.

«Белочка»? Удар по голове? Просто съехал?

В кармане – та же пачка сигарет, выкуренная и выброшенная в восемьдесят первом! И всё, что было, там и есть. Бородка и хвост на месте. На затылке – огромная мокнущая шишка. Закуриваю, тщательно стараюсь не глядеть влево. Туда, где тёмные грязные окна моей берлоги.

Испуганный и злой, докуриваю сигарету до фильтра и резко поворачиваюсь.

Окна светятся тепло и приветливо, за красивыми занавесками угадывается женский силуэт.

«Беги, пацан, беги!» – мелькает паническая мысль. Но я знаю, что не побегу. Медленно поднимаюсь и на трясущихся ногах иду домой.

Господи, что я натворил?!

Родное сердце

Благодарю Дмитрия Шандлоренко, без которого этот рассказ не был бы написан

Он лишь походит на старика – совсем седая голова, шаркающая походка. На самом деле лет ему не так много. Просто он недавно ушёл на покой и резко сдал. Ему хочется, как совсем недавно, вставать утром и ехать в институт, заниматься своим кровным делом – чинить людям сердца. Вместо этого он лениво собирается и, не спеша, бредёт в сквер рядом с домом. Часами сидит на скамейке у пруда. Иногда кормит жадных уток – если не забывает дома булку. Иногда просто бросает в воду камушки, меланхолично глядя на разрастающиеся на поверхности пруда круги. Он знает, что на дне есть глубокая яма, омут, в который на его памяти затянуло уже двух мальчишек. Он точно не знает, где, но представляет, как камушки в глубине ложатся на донный ил и прекращают движение. 'В тихом омуте...', – бормочет он иногда, сам того не сознавая.

В тихом омуте... Тогда, в первый раз, мальчик робко зашёл в кабинет.

* * *

Как же болит голова! Затылок тянуло уже дня два, а сейчас, когда всё должно решиться, боль стала нестерпимой. Может быть, это от того, что я боюсь?

Да – мой проклятый инстинкт самосохранения визжит в ужасе. Но я сильнее его, и я всё решил. И не просто решил, а подготовился так, как, наверное, никто не готовился к самоубийству. Ведь я не просто самоубийца.

Только бы врач в последнюю секунду не позвонил куда следует. Тогда меня повяжут, отберут пистолет – и всё. Начинать с нуля нет сил, да и не решусь, наверное.

В голове навязчиво крутится: «Жизнь канет, как камень...» «Аквариум», кажется. Вот привязалось. Не ко времени... Надо собраться. Гляжу из кустов на окно ординаторской. Жалюзи приоткрыты, за ними – смутный силуэт. Добрый доктор Подольцев тоже беспокоится, меня высматривает... Надеюсь, он уже подготовил операционную. А то ведь сначала он мне не поверил. Но результаты обследований его добились. «Чудо», – так он сказал. А потом выяснилось, что никакого чуда, всё вполне себе естественно, а я – долбаный извращенец. И то, и другое ещё больше укрепило меня в решении. Я не верю в Бога, в Провидение или как там его. Просто случай. И случай говорит: «Родя, давай». Я и дал. Я сделаю всё, как надо, а добрейший Дмитрий Ильич пусть пошлёт «скорую» в новостройки на окраине, в опостылевший мне «корабль», с крыши которого я так часто хотел сигануть. Но, то, что я сделаю сейчас – лучше, гораздо лучше.

«Жизнь канет, как камень, в небе круги».

Ерунда – ни кругов, ни неба. Только тьма. Навсегда. В ладонь врезалась рукоять пистолета Марголина, выменянного на почти новый ноут и сто баксов сверху у однокурсника. Пять патронов в магазине. Но мне нужен только один.

Как же болит затылок!

«Жизнь канет, как камень...»

* * *

Стоя у окна ординаторской, я не сомневался, что парень где-то там и видит меня. Я, кстати, только недавно догадался, откуда Родион так хорошо осведомлён о внутренней жизни стационара. Да оттуда же, откуда узнал результаты своих анализов – просто взломал базу данных медучреждения. Парень этот мог взломать, что угодно – хакер, или как их там называют.

В тихом омуте... Тогда, в первый раз, мальчик робко зашёл в мой кабинет. Не скоро я понял, что робость эта напускная, но во время разговора не раз ловил на себе прицеливающийся взгляд блестящих глаз. Они были чёрными, а волосы светло-русые, почти золотистые... Как у Ани. Ничего удивительного.

В моих ушах до сих пор звучат слова, сказанные неуверенным юношеским голосом. Но смысл их был таким, что у меня волосы поднимались дыбом, как шерсть у чующего привидение пса.

– Вы можете пересадить ей моё сердце.

Честно говоря, я не сразу понял.

– И каким образом ты при этом думаешь остаться в живых? – наивно спросил я у долгового худого паренька в потёртых джинсах.

– А я не и собираюсь жить.

Парень поднял глаза, и я поверил. Глаза были совсем не юношеские – усталые и спокойные. Слишком спокойные. Я видел такие у смертельно больных.

Но всё-таки я возмутился.

– Ты что мне предлагаешь?!

Парень сжался, но продолжал глядеть в упор. Во взгляде появилось что-то, помимо безнадёжности. Упрямство. Молча он полез в матерчатую сумочку на боку и достал в несколько раз сложенную бумажку.

«Я, Обломов Родион Романович, 1991 г.р. (паспортные данные), завещаю своё сердце Анохиной Анне Николаевне как трансплантант для пересадки»

Бумага была, как положено, заверена нотариусом. Господи, какой бред!

Но Аня... Аничка.

Я принял её недавно от детского кардиолога. Она была безнадёжна – порок не позволял ей дожить до двадцати. Скорее всего, умрёт раньше. Разумеется, она стояла в очереди на пересадку, и такую операцию вполне могли провести в моём институте. Дело за одним – за донором. Я слишком давно работал кардиохирургом и прекрасно понимал, что шансов дожидаться, чтобы некто со здоровым сердцем, да таким, которое не отторглось бы организмом девочки, умер бы так, чтобы орган оказался в полном порядке, да чтобы его успели доставить сюда... Шансов почти не было. Хуже всего, что это понимала и Аня, и её бабушка.

Девочка была красива – тихой, замкнутой красотой, которая знает, что не дожждётся расцвета. Девочка была умна и начитана. Она была вежлива и приветлива. И она умрёт.

За годы работы моё сердце не успело зачерстветь до такой степени, чтобы я мог равнодушно принять это.

И тут появляется, откуда ни возьмись, этот Родя Обломов со своей возмутительной бумагой.

* * *

В детстве я стеснялся своего имени и страшно злился на мамашу, которая меня им наградила. Потом понял, что злиться на неё мне надо не за это. А имя... что имя. Она просто тер-

петь не могла фамилию мужа, и любила читать Достоевского. И сейчас любит: иногда томик валяется раскрытым рядом с её тахтой, а она, бухая, дрыхнет на спине, некрасиво раззявив рот.

Вы скажете, я плохой, потому что не люблю свою маму? Да, я плохой. Я такой мудак, честно говоря... Но маму я любил. Когда-то. Что касается папы, я его не помню. Он сбежал от нас, когда мне не исполнилось и года. Ну и какая у вас может быть жизнь в нашей стране неподъёмных возможностей, если вас зовут Родя Обломов, вы единственный ребёнок у одинокой пьющей матери, живущей на пенсию по второй группе инвалидности, если вы слишком высоки, сутулы и худы, а лицо всё ещё кое-где покрывают саднящие прыщи, которые так сладостно трескаются и исходят густым жемчужным гноем, когда вы давите их перед зеркалом? Да хреновая жизнь! К счастью, пока мама ещё работала в своей конторе, до инсульта, мне был куплен на день рождения приличный комп, и он как-то легко и просто вошёл в мою жизнь так, что иногда мне кажется: он – просто продолжение меня. Или я – продолжение его. Короче, спец я неслабый, и на ФИТ в местный универ влетел, как на крылышках. Что касается заработка... Не надо думать, что хакеры только тем и занимаются, что взламывают счета в банках. Такое бывает, но... В общем, редко бывает, я этого, по крайней мере, никогда не делал. В Сети до фигища других способов заработка – сравнительно лёгких и относительно безопасных. И того, что я имел, посидев пару часов вечерком с клавишей перед монитором, хватало и мне на шмотки, и мамаше на вино.

О ней мне совсем не хочется думать, особенно теперь, в этих сырых кустах, когда пистолетная рукоять врежется в ладонь. В моих воспоминаниях она всегда расплывшаяся, разящая перегаром и валерианкой, в грязном халате, из-под которого торчит мятая ночнушка. Я всё понимаю: мать-одиночка, тяжкая жизнь... Но меня не по-детски достало подтирать за ней блевотину и выслушивать долгие нудные жалобы на моё равнодушие, нежелание общаться, пророчества о скорой её, мамы, смерти, пьяные родительские проклятия и пьяную же родительскую нежность.

Только не думайте, что у меня этот самый дурацкий конфликт, который в американских фильмах: мать-тиран подавляет сына, доводя его до нехороших вещей. Я нормальный парень, у меня есть друзья (ну, скажем, приятели), я уже года три как не девственник, могу выпить пива и даже водки в компании, хотя мне это не очень нравится. Мне вообще много чего не нравится: дёрганье на танцполах ночных клубов, блоги и чаты, олбанский язык, порносайты и даже компьютерные стрелялки. Не то чтобы я всего этого не пробовал, пробовал, но ни от чего не фанател. Пара затяжек гашиком убедила, что тот на меня совсем не действует, я смотрел на обдолбанных хихикающих однокурсников, как на идиотов. От экстази у меня заболела голова, а от транквилизаторов просто замутило. Иной раз мне кажется, что лучше бы я чем-нибудь таким увлёкся – был бы нормальным молодым раздолбаем. А так, похоже, я родился взрослым и усталым и мне по барабану скучные пороки ровесников. Кстати, мамаше это не мешало регулярно подозревать меня в увлечении чем-нибудь запретным, на что я уже перестал обращать внимание.

Кажется, ровесники чувствовали эту мою раннюю серьёзность и как-то сторонились. Чересчур популярным челом на тусовках я назвать себя не могу. И с девчонками у меня долгих отношений не было, хотя раскручивать их мне удавалось легко. Но в романах этих не доставало драйва с моей стороны и подружек это обижало.

Мне кажется, я с самого раннего детства так мир и видел: скучным, тусклым и грязным. Хотя, конечно, были в моём детстве и блеск новогодних ёлок, и вкус мандаринов, и волшебство парковых аттракционов. Но вдруг... Может быть, когда я впервые понял: если мама напивается вина и начинает странно себя вести – это не весело и этого надо бояться... В общем, когда-то вся радость жизни с тихим шипением вышла из меня, как из проколотого шарика. И я стал таким, какой есть.

О самоубийстве я стал задумываться лет с семи и думал сосредоточенно и серьёзно. Это доставляло мне удовольствие – мысль, что в любой момент могу соскочить. А окончательно решил, что суицид – моя судьба, после первого секса, в двухкомнатной «хрущёвке» одноклассницы, которая буквально затащила меня к себе и дала после первых же моих заигрываний. И вот эта постыдная возня, эти нелепые телодвижения считаются высшим наслаждением в мире?! Да идёт он, этот мир, лесом, а мне в другую сторону!

Наверное, если бы я родился лет двести назад, ушёл бы в монастырь. Но я крендель продвинутой, мне это не интересно. Нет, только пулю в лоб!

Правда, со способом я определился не сразу. Полазил по сайтам, пообщался с такими же уродами – их в Сети до фига, даже поп один есть, который за суицид трепаться любит. Больше всего мне подходило, пожалуй, отравление угарным газом, но кто же мне для этих целей машину с гаражом одолжит? Повешение отбросил сразу – не желаю болтаться, обосранный и обоссанный, вывалив лиловый язык на плечо. Утопление тоже мерзко, и мысль, что меня будет пожирать всякая речная гадость, не вдохновляла. Падение с высоты лучше, но есть всё-таки шанс выжить и всю оставшуюся жизнь ходить под себя на койке. А выстрел в голову стопроцентно надёжен – если из охотничьего ружья. На этом я и остановился, начав осторожные расспросы на предмет раздобыть где-нибудь обрез и пару патронов с картечью.

Разумеется, отсутствие обреза было не главным препятствием. Главным была... ну конечно, мать. Не то что она без меня умрёт: не раз кричала мне во время пьяных скандалов про двоюродную сестру в провинции и её дочку, которая хоть завтра прилетит ухаживать за ней, надеясь на наследование квартиры, а я могу убираться куда захочу, она меня проклинает и изгоняет. При всей бредовости этих высказываний, не сомневаюсь, что когда меня не станет, так всё и будет. Но жалость к матери во мне была, куда же она денется, и я знал, что она реально будет убиваться по мне. Однако время поджимало: я скоро должен был закончить универ, и тогда меня загребут в армию. А мне не хотелось дожидаться этого благословенного часа.

Вот тогда я впервые и увидел Аничку – когда шёл в крайний подъезд моего «корабля», к одному алкашу, у которого был старый «тозик», и, вроде бы, алкаш начал склоняться к моим уговорам его продать. Нет, видел я её и до этого – она часто сидела на скамейке перед своим подъездом, третьим от моего, иногда с бабушкой, иногда одна. Я был слишком занят собой и почти не смотрел – сидит девчонка и сидит, мне какое дело. И тут бы тоже прошёл... Если бы не солнце. Тусклое солнце сентября вдруг осветило её лицо, а она вся подалась к этому лучу и напряглась, как струна за миг до обрыва. Солнце набросилось на неё, вокруг лица вырос золотистый ореол, а само оно как будто засветилось изнутри розовым. На бледных губах заиграла улыбка – словно серебряная рыбка на миг выпрыгнула из ясного пруда.

Алкаш с ружьём начисто вылетел у меня из головы. Я подошёл к ней и стал сидеть рядом. Мы молчали. Я не знаю, что думала она, мне же было просто нечего сказать. И первым раздался её голос:

– Так как тебя зовут на самом деле?

Голос был мягкий, глубокий, чуть-чуть ироничный. Не весёлый, но ласковый, как этот погожий осенний день.

Я же смог выдавить из себя только всполошённое:

– Что?

И выглядел дурак дураком.

– Бабушка говорила, что тебя зовут Родька. Это от какого имени?

Она слегка повернулась и взгляд её чуть слышно, как опавший лист, прошелестел по моему лицу. Мне показалось, что я знаю её очень давно, всегда, что знаю про неё всё, так же, как она про меня.

– Родион, – послушно ответил я, стремительно переходя на более высокий уровень оффенарения.

– Прикольно, – улыбка проявилась явственнее, – у тебя топор за пазухой?
Я понятия не имел, что ответить, потому выдал без церемоний то, с чего следовало начинать:

– А тебя как зовут?

– Аня.

Улыбка снова спряталась, скорее, игриво, чем пугливо – оставалась где-то рядом, я чувствовал.

Вот так всё и началось. Или закончилось. А какая разница?..

* * *

Первым моим побуждением было избавиться от парня. Да какое он право имеет вообще распоряжаться своей жизнью! У него мать, о ней он подумал?! Но готовящийся взрыв эмоций был прерван взглядом исподлобья, и гнев ушёл из меня тихо и безвредно. Передо мной сидел юноша, совсем сопляк, но взгляд его почти пугал. Потому я заговорил негромко и доброжелательно, как с равным.

– Ты что же думаешь, вырежу я у твоего трупа сердце и сразу пришью его Ане?

Родион отрицательно помотал головой, хотел что-то сказать, но я продолжил.

– Даже если я поддержу эту твою дурацкую затею, тебе предстоит сначала куча анализов, исследований.

– Ну так сделайте их, – упрямо произнёс юноша, передёрнув плечами.

– Хорошо, – лукаво согласился я, и Родион с некоторым недоумением взглянул мне в лицо. Меня вновь нехорошо царапнуло.

– Мы сделаем анализы, – продолжал я, тем не менее, ровным голосом. – И знаешь, что они покажут?.. Что твоё сердце не совместимо с её организмом. Пойми, шансов на то, что оно подойдёт, ничтожно мало.

Я был уверен, что после этих слов парень, по крайней мере, задумается, и, признаться, был потрясён, когда ответ последовал сразу же:

– Давайте всё-таки попытаемся.

Во мне опять зашевелилась подавленная ярость.

– Да не буду я этого делать! Это же преступление, это-то ты хоть понимаешь?!

В глазах парня полыхнуло что-то вроде насмешки.

– А вот я слышал... – медленно произнёс он. – Был случай.

Он замолчал, и я тревожно напрягся.

– Пацана машина сбила недалеко от вашей больницы. И его сердце пересадили другому, который у вас лежал...

Я был потрясён и сразу понял, от кого Родион услышал эту историю. Если я выгоню парня, она ведь решит, что он её предал... Ладно, всё равно сердце не подойдёт.

– Хрен с тобой, – с трудом произнёс я и стал яростно выписывать направления.

* * *

Аня рассказала про тот случай месяц назад, и это стало точкой в моём решении. Тогда я уже приходил к ней каждый день и не мог без этого. В первый раз в бедной, но чистенькой квартире мы сразу прошли в её комнату и долго сидели там, рассматривая фотографии. Она рассказала мне о погибших в автокатастрофе несколько лет назад родителях, но ни слова – о своём сердце. Про него я узнал, когда уже собирался уходить – её бабушка вышла из своей комнаты и позвала меня на кухню.

– Бабушка, пожалуйста! – Аня оборотила к ней лицо, даже слегка зарумянившееся от гнева.

Но та лишь покачала головой и повторила приглашение. Аня, хлопнув дверью, ушла к себе.

Не то что я был потрясён: ведь с самого начала заподозрил что-то такое. Наверное, и потянулся-то я к ней, потому что почуял смерть. Но одно дело – моя никому не нужная жизнь, а Анина – совсем другое.

Бабушка поила меня чаем с сушками, строго глядя перед собой. Кажется, я был ей неприятен. Но старуха смотрела на вещи правильно, стопудово понимая, что такие гости, как я – неизбежность. И я тоже всё понял – она умело донесла до меня месседж: секс исключён. Иначе Аничка может умереть.

Я был согласен. Нет, конечно, я хотел её. Так хотел!.. Просыпался по ночам и стонал в тоске, поняв, что Аня мне только снилась. Когда мы с ней встречались, самое большее, на что я решался – взять её за руку, с тревогой прислушиваясь к её учащающемуся дыханию, подавляя порыв сжать её и вжать в себя, стать с нею единым.

Но я знал, что никогда этого не сделаю. Потому что общение с ней – вот такое, десять сантиметров от тела до тела на тахте и незримое присутствие бабушки в соседней комнате – было лучше, чем секс с самыми гламурными куклами в мире.

Впрочем, один раз я всё-таки не выдержал. И это, можно сказать, было кульминацией нашего странного романа. Но об этом после.

В общем-то, идея моя родилась сразу после разговора с бабушкой, и крепла день ото дня, пока я торчал на лекциях, у компа или в библиотеке, дожидаясь, когда смогу сорваться и поехать на окраину, в «корабль», к ней. Я излазил всю Сеть в поисках информации и художественно уяснил себе, как всё это делается. Выходило, что по-любому надо было говорить с врачом. Но сначала составить бумагу. Я поговорил с приятелем с юридического, навешав ему, что пишу рассказ, и он набросал мне примерную форму завещания, а потом я заверил его за три тыщи у равнодушного нотариуса, которому было параллельно, что заверять.

Я был уже настолько близок к ней, что знал всё о её докторе. Как говорить с ним, я представлял. Но накануне дня, когда я собрался к нему идти, Аня открыла мне дверь в слезах.

Я никогда не видел её плачущей. Вообще, мы никогда не говорили о её скорой смерти, даже пытались строить какие-то планы на будущее. А тут... Она не рыдала, уткнувшись в подушку – просто слёзы вольно текли по её спокойному лицу, как, наверное, бывает у плачущих икон.

– Что случилось?!

Она промолчала и пошла в комнату. Я за ней, бабушки не было дома: похоже, она уже доверяла мне.

– Да всё то же, Родя, – тихо проговорила она. – У меня уже давно всё случилось. Просто...

Она достала скомканный платок и вытерла лицо.

– У меня день рождения в ноябре.

– Ну да, помню.

Я глядел недоумённо. Она посмотрела, будто удивлялась моей тупости.

– Мне исполнится восемнадцать...

– И что?

Она нетерпеливо передёрнула плечами.

– Да просто меня переведут из детской очереди на трансплантацию во взрослую.

Я всё ещё не понимал. Она отвернулась и глухо объяснила:

– Сейчас я в очереди одна из первых. А во взрослой буду... в самом конце.

Только теперь до меня дошло: она оплакивала свою смерть. Сердце моё скрутило.

– И ничего нельзя сделать? – почти прошептал я, зная, что – можно.

Она помолчала, будто не решаясь, потом стала тихо рассказывать. Кажется, этот случай был единственным, дарящим ей призрачную надежду. Года два назад, когда она лежала на обследовании, напротив института грузовик сбил пацана, почти мальчишку. Он умер на месте, но тело подняли в стационар. Аня слышала суету возле операционной. И в этот же день нашлось сердце для умирающего парня из последней палаты. Тот тоже был в самом конце детской очереди, но часы его жизни отсчитывали уже последние дни. Что с ним было после пересадки, Аня не знала, но все, кто лежал тогда в стационаре, сложили два и два. Хотя врачи об этом случае дружно молчали.

У меня вопросов не было. Я сделаю то, что должен.

Когда я пришёл узнать результаты исследований, сразу насторожился. Подольцев прятал от меня глаза. Я с самого начала видел, что ему со мной не по себе. Но теперь было ещё что-то.

– Как и следовало ожидать, – пробормотал он, – не подходит твоё сердце. Жалко Аню. Но хоть ты жить будешь.

Я едва сдержался, чтобы не запустить в него телефоном. Был зол и расстроен, ведь с самого начала не сомневался: моя идея так хороша, что проблем с совместимостью не будет. Теперь понял, что сам себя обманул, как лох. Чуда не произошло. Но почему он прячет глаза?..

Дома я залез в базу института, где уже чувствовал себя, как дома.

* * *

Я мучительно ожидал выстрела, нисколько не сомневаясь, что парень сделает всё так, как нужно. Главное, чтобы сохранился череп, тогда, даже при выходном отверстии, можно убедить следователя в правомерности моих последующих действий. Мог ведь я предположить, что у мальчика есть какие-то шансы, и велеть срочно нести его в операционную? Мог. А уж там увидел, что шансов нет, зато нашёл его завещание. Тогда надо будет сразу зафиксировать смерть и тут же вскрыть грудную клетку на предмет проверки сердечной мышцы. Я понимал – всё это шито белыми нитками, но был уверен, что никто особо цепляться не будет... Но если Родион разнесёт себе голову из какого-нибудь обреза, очень трудно будет заподозрить наличие шансов на реанимацию, созерцая лишь остатки нижней челюсти.

Всё это я подробно объяснил Роде, когда окончательно принял решение. А принял его, когда парень зачитал несколько выдержек из результатов своих анализов. Тех, которые я так хотел скрыть от него. Я ведь глазам не поверил, когда они пришли: сердце подходило идеально. Этого просто не могло быть! И тут передо мной встала зловещая альтернатива – выбор между двумя молодыми жизнями. Я, известный доктор Подольцев с безупречной репутацией, оказался вдруг в роли судьи, прокурора да, собственно, и палача тоже.

До сих пор я не решил, высокоморальным выбором или обычным малодушием было сокрытие от мальчишки результатов. Я вообще не собирался размышлять на эту тему! Просто соврал Родиону и выпроводил его. И думал, что всё кончено. Но парень пришёл через два дня, и знал не только результаты исследований, но и то, чего не знали врачи – почему его сердце так хорошо подходило Ане. Я пришёл в ужас и сдался.

Теперь я чувствую себя преступником, хотя, в сущности, принял тяжёлое, но единственно верное решение. Я не психиатр и не решусь диагностировать душевное расстройство Роди, но убеждён, что тот совершит суицид в любом случае. Фактически, он просто поставил меня перед фактом. Но как бы я среагировал на предложение Родиона, если бы ему не было так жалко Аню – ответить не могу.

В любом случае парень никогда бы не стал таким... безумным, никогда бы не задумался о добровольной смерти, если бы у него было нормальное детство. И отговорки, что время такое, что всем тяжело – недействительны. Кто виноват, что такое время, что тяжело и что гибнет? Да мы же, взрослые, те, кто успели пожить здесь, поработать и наворотить дел. А теперь в бессилии

смотрим, как наши дети стремятся к смерти, потому что мы не смогли дать им достойную жизнь. Что, один такой Родион Обломов? Да он только высшее выражение всеобщего безумия, его любимый сын.

Тут я наконец понял, что так пугало его во взгляде Родиона. За ним ничего не было – ни-че-го. Пустота. Та же самая, что глядит из глаз многих тысяч юношей и девушек. Её ничем нельзя заполнить, хотя они пытаются – тем, что есть в их распоряжении. Просто Родион раньше других понял, что это невозможно, потому таким мучительно-усталым был его взгляд.

В кустах раздался тихий, но резкий щёлчок.

* * *

«Жизнь канет, как камень, в небе круги».

В тот вечер мы с Аней сидели во дворе на скамейке, скрытой в уже совсем жёлтых, но пышных ещё кустах. Я, конечно, ничего не сказал ей. Она до сих пор ничего не знает, и не будет знать до тех пор, пока моё сердце не забьётся в её груди. Я был лихорадочно весел, рассказывал что-то смешное, и она смеялась. Смех её тоже был слегка нервным, может быть, ей передалось моё напряжение, а может, о чём-то догадалась. Могла: знала о моей тяге к суициду, знала, как я её люблю, всё это вполне могло навести её мысль в правильном направлении. В общем, оба мы были на взводе. В какой-то момент у меня снесло башню – от близости её и близости смерти, от проглянувшего выхода, от дурмана осеннего вечера. Я обнял её за плечи. Она вздрогнула и молча прижалась ко мне. Я не мог больше сдерживаться – стал, как безумный, целовать её лицо, а руки шарили по её телу, норовя залезть под пальто. Она тихо простонала, и не от страха, а от страсти. Это ещё больше распалило меня, и чем бы всё закончилось, неизвестно, если бы...

– Ро-одька! – раздалось позади.

Мать едва держалась на ногах. Пальто накинуто прямо на халат. У неё кончилось вино, и она доковыляла до магазинчика, приткнувшегося на первом этаже нашего дома. Может быть, хотела усидеть купленную бутылку на скамейке, чтобы я не видел. Или её привлекла возня в кустах. Какая разница.

Аня вскочила и бросилась в свой подъезд, а я яростно глянул на мать. Но, увидев её лицо, подавился первым рванувшимся из меня словом. Лицо её... оно выражало не пьяное самодовольство, как обычно в таком состоянии. Оно было смертельно бледно и сведено ужасом. Мало-помалу ужас этот стал передаваться мне. Теперь я боялся, что она заговорит. Но она молчала. Потом подошла к скамейке, села, вытащила из пакета бутылку и протянула мне. Я сорвал наклейку и продавил пробку внутрь большим пальцем. Протянул бутылку матери. Она отхлебнула из горлышка и подняла глаза на меня. Я стоял, как школьник перед учительницей.

– Ромка... Папаша твой, – несмотря на добавку, из голоса её почему-то исчезли пьяные нотки, – от меня гулял.

Он ещё раз приложилась к бутылке.

– ...всё, что шевелится! – она бросила это с прорвавшейся давней злобой.

– И эту... Лидку из шестого подъезда тоже.

Глаза у меня полезли на лоб.

– Ну что, понял?

В глазах матери снова плескалась пьяная муть.

– Сестра она твоя... Эта... с-сводная. Папашка один у вас. Я точно знаю, Лидка-покойница мне сама призналась. Не связывайся с этой девкой, слышишь!

Всё стало ясно и понятно. И хорошо – всё разрешилось лучшим образом. Я почти поверил, что кто-то наверху всё-таки есть и устроил это для нас. Но мысль была мимолётной. Меня переполняло желание действовать.

– Пойдём домой, мама, – я протянул руку пьяной женщине на скамейке.

Здесь, в мокрых, но пышных ещё кустах у институтской больницы память об этом прикосновении к маминой руке сливается с памятью о прикосновении к руке Ани. Это было вчера. Мы виделись в последний раз, но она не знала об этом. И я убедился, что ни она, ни бабушка не догадывались о нашем отце, Анина мама унесла это в могилу. И хорошо.

Мне плевать, что она моя сестра. Я люблю её и хочу, как женщину. Если бы она была здорова, я бы женился на ней, не раздумывая, и совесть моя бы ни пикнула. Может быть, я любил бы её с ещё большей страстью... Но ничего этого не будет. Вчера мы виделись в последний раз. Её прощальный взгляд – одновременно острый и беспомощный, испуганный и полный надежды – он останется со мной до последнего момента.

Завещание в нагрудном кармане рубашке, Подольцев знает об этом.

«Жизнь канет, как камень».

Всё, пора.

Я вытаскиваю пистолет, снимаю с предохранителя и упираю ствол под подбородок. Палец на спусковом крючке. Начинаю давить.

Как же болит затылок!

Аня, Аничка!

Мама!

«Жизнь...»

Страшная боль почему-то разрывает грудь.

* * *

Да, он всё сделал, как надо: входное под подбородком совсем небольшое, слабая пулька застряла внутри черепа. Мальчик словно заснул – черты лица разгладились, оно стало безмятежным. Только очень бледным. Я и правда вполне мог бы предположить, что смогу запустить его сердце. Но знаю, что не смог бы – Родион мёртв.

Операционная готова – стол, инструменты, контейнер для органов. Теперь всё надо делать быстро. В полицию уже позвонили, когда она придет, сердце уже должно быть в контейнере, а Аня готова к операции. Дознавателям я покажу его завещание. Наверное, это ужасно – вскрывать грудную клетку юноши, с которым ты разговаривал ещё пару дней назад. Но я не думаю об этом.

Вот так и становишься суеверным. Аня материализовала то, что вымечтала во время долгих безнадежных дней на больничной койке. Она ведь придумала ту историю с гибнущим у больницы парнем. Просто перебирала свои шансы и поняла, что лишь нечто подобное может её спасти. Она рассказала историю мне, и хотя я пытался мягко разуверить её, дать понять, что такой вариант невероятен, продолжала упорно продумывать все подробности и, в конце концов, очевидно, поверила сама. Да ещё заставила поверить парня, лежащего передо мной. И тем самым не оставила иного выбора ни ему, ни мне, ни даже себе.

Вот оно, ради чего всё это. Совсем не романтически-геральдического вида – изжелта-белое и сине-багровое, мокрое, неприятное на вид. Но это то, что может подарить девочке жизнь... Господи, что это?!

Глядя на зловещее светло-серое пятно, расплзшееся по сердцу Родиона Обломова, я не хочу верить своим глазам. Но в какой-то трезвом и не романтичном участке моего мозга раздаётся циничный смешок. Да, вот это, действительно, чёрный юмор, достойный высших сил!

– Обширный инфаркт миокарда, – говорю я ассистенту севшим голосом. – Здесь делать нечего. Зашивайте.

Мне очень хочется спуститься в сквер и поискать под кустами пистолет. Может быть, в нём остался хоть один патрон... Но с вахты звонят, что прибыла следственная бригада.

Потом... Да ничего весёлого. Священник отказался отпевать Родиона в храме и хоронить в освящённой земле. Мать кремировала тело, а урну забрала с собой. Потом я случайно узнал, что после смерти матери её племянница урну выбросила.

Через пару месяцев, перед моим уходом на пенсию, умерла Аня. В агонии она плакала и всё просила кого-то: «Прости! Прости!»

* * *

Похожий на старика человек неподвижными глазами смотрит, как отражённые в маленьком пруду облака искажаются расходящимися от брошенного камня кругами. Слезы мешают ему смотреть, но он видит, что в мутном зеркале проявляется лицо юноши. Искажается и исчезает. Проявляется лицо девушки. Искажается и исчезает.

Про цветы и котиков

*Посвящается Т.А., долго ждавшей от меня рассказа на эту тему.
«Коты – это гангстеры животного мира»*

Стивен Кинг

За мою длинную жизнь всякое бывало. Но чтобы к нашей драке привлекались другие твари – это, скажу я вам, фокус. От изумления моя передняя лапа непроизвольно поднялась и расслабилась, когда я услышал, что сзади ко мне, злобно щёлкая, подбирается парочка ворон. А засранец Мээк стоит как бы в сторонке и от восторга шерится своей вонючей пастью. Зрачки же его стали, как два блюдца, в которые какой-то двуногий вместо молока налил той чёрной гадости, которой полно было в котельной, где я кантовался пару зим назад. Ну, вы понимаете, о чём я...

Изумление ушло, и я почувствовал прилив невероятной злости. Старый Ваув зовут меня, да я и есть старый, и дрался множество раз. Приходится – то за землю с едой, то за даму или за деток. Но сама по себе возможность подраться меня в восторг не приводит. Давно уже. Однако сейчас я почувствовал настоящую потребность оторвать этому бастарду суслика и подвальной крысы уши, расплосовать морду надвое, а потом прокусить хребет, как презренной ящерице.

Ну да, я занял его землю, но потому, что так положено: я сильнее. И сделал это не по своей воле, а по вине стаи мерзких псов, позарившихся на контейнеры с мусором на бывшей моей земле. С одним бы я разобрался легко, мог и с двумя. Но не со стаей. И ещё у меня пушистики. Мне ничего не оставалось, кроме как уйти на другую землю. Но все они были заняты. По большому счёту, Мээку просто не повезло, что я решил подвинуть его. Впрочем, он мне никогда не нравился – не джентльмен. Я бродил по его земле уже несколько дней и ночей, присмотрел превосходный сухой подвал и перетащил туда малышню. И за всё это время трусливый подонок ни разу не попался мне на глаза, хотя его запах висел на всех ключевых точках, а иногда откуда-то из-за угла до меня доносилось его беспокойное фырканье. Я думал, он тихо уберётся, как делают все наши, когда понимают, что противник им не по зубам. А он вот что удумал – вороны!

Да нет, эти-то в своём праве, признаю – я и правда присматривался к их гнезду в кроне огромного тополя на краю пустыря. Вычислил его я только вчера, и по чистой случайности – птенцы сильно распищались. Обычно воронье гнездо хрен отыщешь. Я бы уже вчера его оприходовал, но взрослые были дома. Вот и пришёл сегодня. Скажете, что это отвратительно – убивать беззащитных птенчиков, пока родители носятся, чтобы их пропитать? Так жизнь такая. А кто пропитает четверых моих мохнатых крикунов, оставшихся без матери, которая ещё кормила их своим молоком?.. Так что не парьте мне мозги: я имею право забраться в гнездо ворон. Правда, и они имеют право это гнездо защитить. Если смогут.

Но Мээк сделал подлую штуку – специально всполошил птиц перед моим приходом и заставил вернуться раньше времени. И теперь они пытались достать меня, а Мээк, делая вид, что ему всё без разницы, выбирает момент, чтобы накинуться. Дранный пудель!

Только со мной такое не проходит. Я резко развернулся и клацнул зубами на нахальное пернатое, слишком близко подкравшееся к моему хвосту. Тут же развернулся к Мээку и вперился в его пакостные глазёнки. Вопль, который при этом вышел из меня, заставил того содрогнуться. Глотка у меня пока ещё в норме.

Он старался не отводить взгляда от моих глаз, но плохо у него это получалось – всё время мотал башкой туда-сюда, не выдерживал. И кончики прижатых ушей загнулись – боится, урод. И правильно делает.

Вороны насакивали сзади, норовя долбануть клювами прямо по моим причиндалам. Нет, дорогие, они мне ещё пригодятся – много на свете дам, да не прервётся род кошачий! Но периодически я вынужден был отвлекаться на паразитов, а за это время Мээк успевал освободиться от влияния моего взгляда и тоже начинал взрывать. Придётся драться всерьёз. Один на один со мной у Мээка шансов не было, хоть он и довольно крупный. Но вот с этими погаными птицами... Самое паскудное, что, прогони он меня сейчас, завтра же с удовольствием сожрёт птенчиков своих невольных союзников.

В один из моментов, когда я отвернулся к воронам, он таки бросился на меня. Отчаянный рывок, признаю. Я не замедлил вцепиться ему в морду, а лапами обхватил за шею, сам же развернулся на живот, увлекая его за собой, а потом сразу обратно и попытался вцепиться в горло. Убивать я не хотел, да и трудно это проделать со взрослым котом. Пасть забила вонючая шерсть, от которой меня чуть не стошнило. Мээк вырвался и прынул назад. Я бросился за ним с утробным воем, а вороны, во время нашего клинча носившиеся вокруг, снова принялись за мой хвост и то, что под ним. Я опять в бешенстве развернулся, одного чуть не достал, и жалко, что не достал – уж его-то горло мне по зубам вполне. А Мээк снова рванул на меня.

Сколько мы с воем катались по траве, сказать не могу. Заверяю, что досталось и тому, и другому. У меня потом несколько дней отходили узкие полосы содранной когтями шкуры, а морда Мээка, когда он убегал, была вся в крови – кажется, я серьёзно повредил ему глаз, да и ухо стало похоже на драную тряпку².

Да, он в конце концов удрал, окончательно потеряв землю. Как только это случилось, вороны поднялись и понеслись к своему дереву – держать последнюю линию обороны от меня, надо полагать. Я было, хотел тут же в азарте атаковать их гнездо и перебить всех, кого там встречу, но вдруг почувствовал великое отвращение.

На меня такое периодически накатывает – изжога от долгой жизни, надо полагать. Мне вдруг расхотелось лезть на проклятое дерево, сносить удары клювов, слышать жалобные пiski птенцов и хруст костей на своих зубах... Даже привкус свежей крови уже не возбуждал. Азарт и радость победы куда-то схлынули, и мне жутко захотелось оказаться в хорошо пахнущем месте, где можно одурманить мозги и на время забыть о проблемах.

Я такое место знал и пошёл туда, оставив ворон встревоженно каркать на своём тополе. Земля, которую я отнял у Мээка, была ещё тем хороша, что примыкала к пустырю на речном обрыве. Пустырю, в такое время сплошь заросшему цветущей балдёр-травой³. И теперь мне не надо было, как раньше, пробираться через враждебные земли, чтобы слегка забыться в хорошей компании.

Можно было двигаться кружным путём, но можно и срезать, перебежав маленький скверик. Я не любил это делать – тут вечно торчали двуногие, дымя вонючими палочками, лакая из стеклянных плошек свои отвратительные жидкости, от которых их голоса становились громче, а поступки – глупее. Сунься сюда вечером, можно и по голове схлопотать такой плошкой, с них станется. Но сейчас был день и в скверике почти никого. Я бы пересёк его в одно мгновение, но меня остановил голос:

– Ты погляди, какой красавец!

Если вы думаете, что котам не свойственно тщеславие, вы сильно ошибаетесь. А если думаете, что коты не понимают вашу речь, вы тоже ошибаетесь, но не сильно. Да, для большинства из нас чужья речь – набор грубых, иногда пугающих звуков, вроде шумов грозы и ветра. Но некоторые из нас начинают постепенно понимать, что нам хотят сказать эти странные и страшноватые существа. Вы то есть. Сначала реагируют на интонацию, а потом и смысл

---

² Реальный бой.

³ Кошачья мята.

доходит. Не такие уж мы и разные, если разобраться... А я не всегда жил на улице, и прекрасно понял, что чёрненькая двуногая дама похвалила мои стихи.

Я не принадлежал бы кошачьему роду, если бы не остановился, чтобы мною подольше полюбовались. Когда тебя хвалят, это почти так же приятно, как нюхать и лизать балдёж-траву.

– Ага, прямо как твой, про которого ты писала.

Толстый двуногий самец, сидящий рядом с девушкой, пыхтя своей вонючей палочкой, понравился мне гораздо меньше, чем она. Но по интонации я понял, что и он мной восхищается. А это очень приятно. Делая вид, что не обращаю на них внимания, я пружинисто прошествовал вокруг странного камня, похожего на двух человеческих детёнышей – он стоял в середине сквера, и я всегда подозревал, что его тоже сделали двуногие. Только вот зачем – одна из неразрешимых загадок мира сего. Прощёлся я браво – задрал хвост и прядая ушами, мне самому понравилось.

– Мимо высокого дома кирпичного
Важно идет
Дранный, нечёсанный серо-коричневый
Мартовский кот⁴, —

начал вдруг самец.

Я понимал из этой ахинеи только отдельные слова, но в целом она мне неожиданно понравилась – как длинный боевой клич или любовное мурлыканье.

– Но сейчас же не март, – рассмеялась дама.

– Для таких всегда март, – улыбнулся самец и продолжал:

– Хвост полосатый стрелой вертикальную
Вытянул ввысь,
Лапами тихо ступает брутальными,
Гордый, как рысь...

– Даже овчарки его опасаются:
Ох, и суров!
Когти свои выпускает и скалится
Он на врагов, —

подхватила дама, и голос её доставил мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Я вильнул всем телом, изящно изогнулся и, оказавшись прямо у скамейки, благожелательно на них уставился.

– Он что, понимает? – удивлённо проговорила дама, и я немного обиделся.

– Он всё понимает, – заверил двуногий, чем заслужил моё расположение.

– Кошка сиамская с тёмною мордочкой
Смотрит в окно.
Ночью опять к ней ползет он в форточку
Словно в... —

начала опять, было, дама, но прервалась.

– Правильно, – заметил двуногий, – про ночь рановато ещё...

---

⁴ Стихотворение Татьяны Алексеевой-Минасян.

Тут он был прав. Не надо про ночь. И про даму не надо... Слегка подпрыгнув на напряжённых передних лапах в знак признательности, я шмыгнул под скамейку, мимоходом шваркнув шерсткой по их ногам. Среди людей не так уж редко попадаются порядочные коты.

Ещё рывок, и я был на пустыре. Там уже собрались наши – трава сегодня прямо истекала дурманящим ароматом. Серый Яоой, Двухцветный Кяяу, Пушистый Яась, кто-то ещё из джентльменов и пара дам. Кстати, имена наши на самом деле гораздо длиннее, в них входят звуки, которые вы не слышите. Но для вас и так сойдёт.

Ребята уже всю куролесили – тёрлись о жёсткую траву с бело-синими цветочками, облизывали соцветия, шипением отгоняя пытающуюся пристроиться к пирушке безземельную шпану. Я с энтузиазмом погрузился в эту счастливую оргию. Последующее было размыто пряным запахом, блаженно перемешавшим и смывшем плохие мысли.

Когда дурман стал сходить, я обнаружил, что сижу на солнцепёке бок о бок с Рыжим Шуу и лениво беседую с ним о всякой ерунде. Я расслабился и не желал ничего. Скоро это должно было пройти, но сейчас как же приятно! Лучше балдёж-травы ничего нет: я пользовал и пьянь-траву с розовыми цветочками⁵, и похоже, но гораздо сильнее благоухающую жидкость, которую нам иногда дают двуногие, а потом над нами потешаются. А один из моих бывших хозяев пристрастил меня к другой травке⁶, которую он сушил, поджигал и вдыхал дым, иногда пуская мне его прямо в морду, от чего я становился полным идиотом и пребывал в таком состоянии долго, а потом впадал в мёртвый сон. Когда другие люди пришли и куда-то увели этого моего хозяина, я тоже, естественно, ушёл и очень долго скучал по той траве. Иногда я находил её растущей на земле и ел, но это не давало такого эффекта, как дым. А потом я стал к ней равнодушен. Нет, балдёж-трава создана для котов, и точка.

– Одноглазого Мырра зарезали, слышал? – между прочим спросил Шуу, и я похолодел. Балдёж растаял, будто и не было.

---

⁵ Валериана.

⁶ Конопля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.